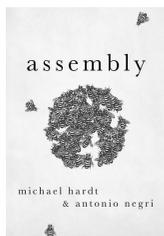


Постопераистская атака «сборки» на суверенитет



Michael Hardt, Antonio Negri. Assembly. Oxford: Oxford University Press, 2017. — 346 p.

СОВРЕМЕННЫЙ итальянский постопераизм, выросший из автономистского марксизма, представляет собой уникальный проект в области социальной философии, сочетающий приверженность строгому марксистскому единству «теории и практики» с вычурными идеями французского постструктурализма второй половины XX века. Именно поэтому постопераизм оказывается зачастую слишком поэтичен для марксистов¹ и слишком политичен для постструктуралистов. Его востребованность подтверждается тем, что книги итальянских теоретиков постопераизма в последние годы регулярно выходят в крупных западных издательствах. При этом постопераизм как проект все же сложно назвать идеологически и методологически гомогенным, что позволяет его представителям смотреть на современность с разной степенью оптимизма (или пессимизма). Так, например, последняя (на момент написания этого текста) книга Франко «Бифо» Берарди, работающего с наследием Бодрийера по отношению к современному глобальному капитализму (что позволяет ему говорить о «семиокапитализме»), проникнута нескрываемым пессимизмом по отношению к современному социальному порядку². В то же время плодovitый тандем Антонио Негри и Майкла Хардта сохраняет довольно оптимистичную позицию по вопросу о возможностях изменения этого порядка; именно выработке новых «техничко-тактических» действий

1. Чижова Т. Грамматика множества Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма // *Топос*. 2013. № 1. С. 133–142.
2. *Berardi F. Futurability. The Age of Impotence and the Horizon of Possibility*. L.: Verso Books, 2017.

по его изменению и посвящена их новая, уже четвертая по счету совместная книга под названием *Assembly*.

Эта милитаристская метафора «техничко-тактических действий» использована неспроста — в этой работе авторы пытаются ответить всем недовольным чрезмерной поэтичностью и размытостью их идей (такие претензии исходили в том числе от авторов с постсоветского пространства³), как именно они могут быть реализованы на практике. Вообще, выстраивая нарратив из всех совместных книг Негри и Хардта, можно получить примерно следующий сюжетный ход: за анализом современного социального порядка⁴ следует диалектически вырастающая из него и противостоящая ему сила⁵, отстаивающая новый тип ценностей⁶ и действующая определенным образом⁷. Конечно, этот нарратив условен, однако, в отличие от предыдущих книг, *Assembly* переполнена «практической теорией»: как именно «множество» может стать не абстрактной теоретической категорией, но конкретным широким социальным и политическим движением. Два из четырех подразделов книги содержат именно идеи о «завоевании» и одновременном переосмыслении самой идеи власти. Хотя порой эти идеи повторяют друг друга, некоторые из них если и не имеют практический потенциал, то по крайней мере смелы и свежи для современной политической теории.

Книга начинается с размышления о проблеме лидерства, ключевой для современной демократии. Ее репрезентативный характер (подразумевающий власть законно избранного меньшинства в виде «правительства» над большинством) фактически противоречит ее же сути, заключающейся в равноправном участии всех членов общества в его управлении. Естественно, постопераистские размышления о прямой демократии не обходятся без акцента на роли Спинозы в разработке идей «имманентности» и его противостояния тем философским системам, ключевую позицию в которых занимает «трансцендентность». Схожим образом размышлял Паоло Вирно, представляя борьбу философских категорий Гоббса и Спинозы, а именно категорий «множества» и «народа», как «играющих первостепенную роль в определении соци-

3. Кагарлицкий Б. Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя // Критическая масса. 2004. № 3.

4. Негри А., Хардт М. Империя. М.: Праксис, 2004.

5. Негри А., Хардт М. Множество: война и демократии в эпоху Империи. М.: Культурная революция, 2006.

6. Negri A., Hardt M. Commonwealth. Cambridge: Harvard University Press, 2011.

7. Negri A., Hardt M. Assembly. Oxford: Oxford University Press, 2017.

ально-политических категорий Нового времени»⁸. Негри и Хардт занимаются ровно такими же противопоставлениями, добавляя в союзники к Спинозе Иоганна Альтузия, а к Гоббсу — Жана Бодена (14). Также авторы заходят дальше и критикуют самого Руссо за его идею «общей воли», которая, по их мнению, является очередной формой репрезентации, предполагающей определенного «решающего суверена» («решающего» в децизионистском смысле Карла Шмитта, который, конечно же, является одним из главных теоретических антагонистов постопераизма). Естественно, прямая демократия «множества» противоречит самой идее «суверенитета» как воплощения «многих в одном». Этот шаг, направленный против «суверенитета», как ни странно, с одной стороны, достаточно предсказуем, а с другой — оригинален, поскольку эта проблематика, несмотря на всю свою актуальность, находится за пределами конкретных предложений современных левых. «Несуверенные» формы осуществления власти авторы связывают с оригинальной взаимозависимостью учреждающей и учредительной власти. В то время как для классической политической мысли первая была неким исключением, революционным моментом, который в конечном счете подчинялся устоявшейся системе учредительной власти, то для Негри и Хардта важно именно постоянное подпитывание сил власти учреждающей, благодаря чему «суверенный» характер учредительной власти может быть сломлен (что на самом деле роднит их идеи с идеей «перманентной революции» Троцкого). При этом авторами ценится, конечно же, скорее «множественный» характер учреждающей власти, нежели единый (в виде одного конкретного революционного движения), благодаря чему она не утрачивает свой революционный потенциал. В пример они приводят как левые политические течения Латинской Америки за последние тридцать лет, так и возникшие после 2011 года массовые движения современности (от «арабской весны» до различных воплощений *Оссиру*). Хотя далеко не все эти попытки оказались успешными в долгосрочной перспективе, авторы уверены, что только благодаря таким широким революционным движениям «суверенитет» как политическая форма может пасть (37). При этом, как и свойственно постопераистам, никаких конкретных примеров работающих «несуверенных» форм институций не приводится, за исключением современной Рожавы (автономное курдское образование на территории современ-

8. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013. С. 9.

ной Сирии). Парадоксально при этом, что упоминаемые авторами успешно работающие «несуверенные» формы институции всегда находятся в условиях войны (по крайней мере гражданской), но никогда не в устойчивом положении. Поэтому главный вопрос о необходимости суверенитета остается неизменным со времен Гоббса: является ли «суверенитет» тем самым необходимым «злом», которое обуславливает стабильное состояние общества? Естественно, что Негри и Хардт дают на этот вопрос отрицательный ответ, говоря о том, что «следует изобрести несуверенные формы институции» (39).

Еще одним интересным, но также спорным моментом книги является переосмысление авторами ролей стратегии и тактики относительно широких масс «множеств» современных социальных движений и формы репрезентации этих масс в конкретных людях (не усложняя терминологию, Негри и Хардт называют их лидерами). Авторы используют метафору кентавра, у которого верхняя часть туловища принадлежит человеку (она способна решать сложные интеллектуальные задачи и озабочена далекоидущей стратегией), в то время как нижние конечности, принадлежащие лошади, заняты насущными мелкими тактическими делами. Так вот, авторы предлагают «перевернуть» кентавра, дабы лидеры (прежде воплощавшие верхнюю часть кентавра) были ситуативными харизматическими инструментами (то есть отвечали за тактику) социальных движений, в то время как массы, прежде олицетворявшие грубую мускульную силу кентавра, должны определять стратегию самих движений. Естественно, такое предложение не лишено оснований — как справедливо замечают авторы, лидеры должны быть ограничены «массами». Однако малочисленные приводимые ими примеры порой возвращаются в «обычную», неперевернутую ситуацию кентавра (например, случай греческой партии СИРИЗА и поражения ее лидеров во время референдума по поводу кредитования со стороны ЕС). Естественно, упование на горизонтальный способ (само-)управления массами приводит авторов к отказу от модели гегелевской диалектики как построенной на дуализме духа и материи. Другими словами, авторы не оставляют ни единого шанса диалектическому марксистскому переходу от «класса-в-себе» к «классу-для-себя». Здесь они также пользуются противопоставлениями, «сталкивая» Энгельса (как главного марксистского «диалектика») с Антонио Грамши и Луи Альтюссером (66).

Некоторые главы книги в той или иной степени повторяют предыдущие совместные работы авторов — теории *commons* как

новой возможной формы собственности они посвятили отдельную книгу⁹, а размышлений о современном состоянии *general Intellect* хватает в практически любой работе постопераистов. При этом в книге довольно много новых идей, и некоторые оказались достаточно спорными различным западным теоретикам. Так, например, новый взгляд авторов на концепт «предпринимательства» был раскритикован Кристианом Фуксом¹⁰. Негри и Хардт, ссылаясь на Йозефа Шумпетера, предлагают «вернуть» этот концепт левым движениям, понимая под ним некоторую постоянную организующую активность (которым, безусловно, должно обладать «множество»). Эта организующая активность должна быть выстроена на принципах интерсекциональности, то есть совместных союзов различных угнетенных групп. При этом, естественно, в настоящее время этот концепт неразрывно связан с идеями частной собственности как способ организации экономической активности на ее основе. Кристиан Фукс кажется абсолютно правым в том, что не следует «забирать» у капитализма его ключевые концепты, обладающие уже устойчивым значением, так как это может привести к «коммодификации активизма»¹¹. Вместо этого следует изобретать собственные концепты, например термин «политическая хореография», который Фукс заимствует... у Паоло Гербаудо¹².

Также авторы уделяют отдельный подраздел дебатам с Дэвидом Харви, которые продолжаются не первый год¹³. В этот раз Негри и Хардта не устраивает его подход к неолиберализму, который он рассматривает как «период первоначального накопления капитала». Для классического марксизма этот период предшествует полноценным капиталистическим отношениям и предполагает «исторический процесс отделения производителя от средств производства»¹⁴. В отношении неолиберализма это будет означать, что прежде бесплатные блага (образование, медицина, натураль-

9. *Negri A., Hardt M. Commonwealth.*

10. *Fuchs C. Reflections on Michael Hardt and Antonio Negri's Book "Assembly" // Triple-C: Communication, Capitalism & Critique. Journal for Global Sustainable Information Society. 2017. Vol. 15. № 2. P. 851–865.*

11. *Fuchs C. Reflections on Michael Hardt and Antonio Negri's Book "Assembly". P. 863.*

12. *Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. L.: Pluto, 2012.*

13. *Harvey D. et al. Commonwealth: An Exchange // Artforum. 2009. Vol. 48. № 3. P. 210–221.*

14. *Маркс К. Капитал. Л.: Госполитиздат, 1951. Т. 1: Критика политической экономии. С. 719.*

ные ресурсы) оказались приватизированы и были отделены от гигантских рабочих масс. Однако, как справедливо отмечают Негри и Хардт, восприятие неолиберализма как постоянного процесса «первоначального накопления» означало бы, что сам неолиберализм остается неизменным с начала 1980-х годов до настоящего времени. Вместо этого термина они предполагают рассматривать современную экономическую ситуацию как сдвиг от «формального подчинения труда капиталу» к «реальному подчинению» (182). Если при первой фазе (формальном подчинении) остаются некоторые докапиталистические методы производства, то при последующей (реальном подчинении) фактически весь труд оказывается скован капиталом. Точка зрения Негри и Хардта обладает как достоинствами, так и недостатками. С одной стороны, она в самом деле помогает объяснить определенные специфические моменты в истории развития неолиберализма как постепенного захвата капиталом определенных сфер человеческой деятельности — например, такой теоретический сдвиг в исследованиях интернета, как переход от эры *Web 1.0* к *Web 2.0*¹⁵, вполне синонимичен переходу от формального присвоения к реальному. С другой стороны, такой подход слишком телеологичен и линейен, так как не предполагает никаких прочих возможностей развития экономического процесса, о чем все же упоминают и сами авторы (181).

Также в *Assembly* Негри и Хардт не акцентируют своего понимания современных глобальных процессов как глобальной «Империи», что, возможно, подтолкнуло бы их к не менее интересным с эвристической точки зрения дебатам с другими, «более классическими» марксистами. К примеру, Самир Амин уже несколько раз высказывался (и, к сожалению, уже не сможет высказаться) об «иллюзорности» «Империи», в пользу существования классического марксистского империализма¹⁶. И именно это противоречие между мир-системным анализом, с одной стороны, и постопераизмом, с другой стороны, выявляет экономическую непродуманность последнего, так как он не может противопоставить строгим цифрам первого ничего, кроме звучных поэтических образов. В то же время в одной из глав своей работы Негри и Хардт подчеркивают возрастающую роль нацио-

15. O'Reilly T. What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // O'Reilly Media. 30.09.2005. URL: <https://www.oreil-ly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>.

16. Amin S. Empire and Multitude // Monthly Review. 2005. Vol. 57. № 6; Amin S. Empire and Multitude // Monthly Review. 2014. Vol. 66. № 6.

нальных государств в существующем сегодня неолиберальном порядке, а именно их инвестиции в частную собственность, возрастание роли секретных служб, приграничного контроля, военных программ и т. д. (208), что фактически противоречит некоторым их идеям, предложенным в «Империи». Однако при этом одним из выводов книги является невозможность существования «множества» в ситуации суверенитета, что подразумевает невозможность возврата к политическому действию на уровне национальных государств. Другими словами, возросшая роль государства в социально-экономической сфере в последние десятилетия, по Негри и Хардту, является некоторым диалектическим предвестником конца национального суверенного государства (как бы они сами ни открещивались от диалектики как теоретического и практического метода).

В целом *Assembly* повторяет форму предшествующих совместных работ Негри и Хардта — на основе достаточно простых тезисов о необходимости создания новых типов политических движений выстраивается гигантская конструкция, части которой дисциплинарно не всегда соответствуют друг другу. Помимо уже названных мыслителей, которых упоминают Негри и Хардт, на страницах книги можно увидеть и довольно привычные для постопераизма ссылки на таких авторов, как Делёз, Гваттари, Симондон, Адорно, Болтански, Кьяпелло, Хоркхаймер, и отсылки к Хайдеггеру, Кафке, Хантингтону, Монтескье, Веберу. Возможно, Негри и Хардт, требующие от современных демократических организаций программы «постмодернизации современного процесса производства» (40), сами применяют эту же программу при написании работы. Поэтому не стоит требовать от них чрезмерной точности и педантичности: очередная книга — никак не конкретная программа по преобразованию современных политических движений (хотя сами они делают упор именно на этом), но попытка обосновать возможность (а порой и необходимость) этих движений на разнообразном (пусть иногда и слишком разнообразном) материале. Порой эта попытка оказывается запутанной (например, возрастающая роль государств при неолиберализме противоречит более ранним тезисам авторов в «Империи»), порой фокусируется на тех важных целях и задачах, которую современная левая критическая теория игнорирует (возможность организации и устойчивого состояния «несуверенных» институций).

Глеб Корень